

И. С. ТУРГЕНЕВУ

30 июня—1 июля 1855. Москва

Здравствуй, милый Тургенев, — ты, о ком думаю часто, всегда с приятным и никогда с горьким чувством. Не писал я к тебе долго потому, что нахожусь в каком-то туповатом и благодатном спокойствии, — даже лень взять в руки перо. Я занимаюсь здесь, по совету Иноземцева, питием какой-то минеральной воды — впрочем, без всякой веры в ее целебность для меня — и пью эту воду уже целый месяц.¹ Кажется, скоро можно будет бросить это питье. Что тогда предприму, еще не знаю. Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет?² А что до здоровья, то ему ничто не помешает быть столько же гнусным в Севастополе, как оно гусно здесь. А оно крайне худо — и, право, брат, без фразы могу сказать, что едва ли не всего кислее в жизни и смерти — это медленное умирание, в котором я маюсь. Болезнь моя сделала заметные шаги вперед — я кашляю и бешусь, что у моей груди, как на смех, только и осталось силы для произведения этих противных звуков! Куда теперь и подумать на охоту! Пройду полверсты — и едва отдышусь. Это не то, что прошлого года, когда еще по целым дням я плелся за тобой, делая два шага за твой один.³ Правда, я уходил весь в ноги — и никуда негодно стрелял, но все же ходить — то хоть мог. — Однако ж об этом будет. Хочу тебе сказать несколько слов о своих занятиях. Помнишь, на охоте как-то прошептал я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе * — с условием: вышли мне о нем свое искреннее мнение;⁵ на днях ты его получишь. Я уже начал переписывать его. — Весной нынче я столько писал стихов, как никогда, и, признаюсь, в первый раз в жизни сказал спасибо судьбе за эту способность: она меня выручила в самое горькое и трудное время. Но хорошего написалось мало. Стихи, впрочем, слишком расшатывают мои нервы, и я теперь придумал для себя работу полегче и хочу по этому поводу спросить твоего совета. Мне пришло в голову писать для печати, но не при жизни моей, свою биографию, т. е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — в довольно обширном размере. — Скажи: не слишком ли это — так сказать — самолюбиво?⁶ Впрочем, я думаю прислать тебе начало: тогда ты лучше увидишь, может ли это быть пригодно; главное в том, что эта работа для меня легка и что, только увлекшись каким-нибудь продолжительным трудом, буду я в состоянии не чувствовать ежеминутно всей тягости моего существования, которое более плачевно, чем я об этом говорю. И вот еще к тебе просьба: у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бёрнсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевести для меня одну или две пьесы прозой (по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю) — я, может быть, попробую переложить в стихи.⁷ Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз. — Я вообще азартно предаюсь чтению и обуреваем с некоторого времени жаждой узнать и того, и другого, да на русском ничего нет, особенно поэтов; а если и есть, то 20—30-х годов. В этом отношении литература русская 20 лет назад была дельнее. Перечел всего Жуковского — чудо-переводчик и ужасно беден как поэт; воет, воет, воет — и не наткнешься ни на один стих, в котором мелькнула бы грация скорби — о другом о чем-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпению, которое пригодились ему как переводчику, обязан он своими оригинальными произведениями, в которых только одно это терпение и удивительно. Странно, как он — такой мастер переводить — не чувствовал слабости собственных своих произведений!⁸ Впрочем, вкус-то у него не совсем был ясен: сколько он и дряни перевел наряду с отличными вещами! Однако нельзя не заметить, что многие послания и некоторые Лицейские Годовщины Пушкина вышли прямо из посланий Жуковского; Пушкин брал у него — иную мысль, мотив и даже иногда выражение!

Слышал я от Боткина и других друзей, как они славно провели у тебя в деревне время. Я тоже порывался к вам, да был в такой хандре, что мог только испортить общее веселье. И пьеса, которую вы сочинили и сыграли, мне пересказана.⁹ Этот веселый вздор всего лучше свидетельствует, что вы находились в отличном состоянии духа — счастливы! Еще я слышал, что ты находишься, как говорилось лет 15-ть тому назад, в «моменте распада», т. е. считаешь свое писательское поприще конченным и себя выдохшимся... Стыдись, любезный друг! Не тебе обижать природу или судьбу сомнением в своих силах и способностях! Это ты не лень ли свою прикрываешь, с которой не надеешься справиться? Хочешь знать мое мнение?

Из всех ныне действующих русских писателей ты, как бы сказать, обязался сделать наиболее, и сложить теперь руки было бы верх стыдовища. Я устал, а то много бы хотелось сказать по этому случаю. Знай, что из всех в России писателей и читателей только один человек думает, что твое поприще кончено, — и этот один — сам ты. Верь в себя и пиши — вот в коротких словах то, что я готов был бы доказывать на целой странице, если б рука служила. Будь здоров. Желая тебе хорошо охотиться. Кстати, об охоте: может быть, отложу в сторону Севастополь, после вод, т. е. недели через полторы, я отправлюсь в деревню в 20-ти верстах от Ярославля; там нет холеры — итак, если у вас она еще продолжается, то приезжай сюда, поживи с нами несколько дней на даче, и поедем в деревню вместе; 240 верст от Москвы по шоссе. Охота там отличная, дом просторный — все удобства имеются, рады будут тебе сильно — хороший мой приятель Довго-Сабуров, страстный охотник (ярославский исправник), жаждет с тобой познакомиться и поохотиться. Он говорил мне об этом еще весной. Напиши мне — если тебе понравится этот план, то он легко может быть приведен в исполнение.¹⁰ Будь здоров.

Твой Н. Некрасов.

P. S. Колбасину¹¹ кланяйся. Покуда ни у меня, ни в Петербурге нет денег. В августе я буду в Петербурге — и тогда добуду для него.

30 июня 1855 Петровский парк

Скажи — понравятся ли тебе эти стихи:

К**

Давно, отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам;
Они приветливо яснили...
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели —
И тайный страх меня смутил!..
Поздней, — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда;
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда...
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов —
И та же мысль приходит снова,
И на обрыве я стою...
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...
Это тоже ярославское произведение.¹²

Прощай.

31 июня

Подумай не шутя о поездке со мною. Я тебе обещаю превосходную охоту. Ты знаешь, что Ярославская губерния этим не бедна. — А жизнь, как дома. Только вези Степана.¹³

* Кстати, о посвящениях: Толстой посвятил тебе повесть «Юнкер», которую прислал в «Современник».⁴

Примечания

Подлинник: ИРЛИ, № 21.194, л. 43—44 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 2, с. 595—598.

В конце письма Некрасов допустил неточность, пометив «31 июня» вместо «1 июля» Год устанавливается по содержанию и связи с п. 213.

¹ Ф. И. Иноземцев — врач, лечивший Некрасова в Москве с начала июня 1855 г.

² Желание Некрасова приехать в Севастополь связано с событиями Крымской войны 1853—1856 гг. и осадой этого города-крепости.

³ В конце июля (между 23 и 31 июля) 1854 г. Некрасов вместе с Тургеневым охотился в окрестностях имения И. И. Маслова Осьми- но и окрестностях имения А. В. Дружинина Мариинское (см.: Дружинин А. В. Дневник. — В кн.: Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986, с. 308—309). С 22 сентября по 4 октября 1854 г. охотился с Тургеневым в окрестностях Спасского. 28 сентября Тургенев писал П. В. Анненкову из Спасского: «Мы с Некрасовым здесь уже с неделю, каждый день ходим на охоту» (Тургенев, Письма, т. II, с. 226).

⁴ Рассказ Л. Толстого «Рубка лесу. Рассказ юнкера. (Поев. И. С. Тургеневу)» (С, 1855, № 9).

⁵ Поэма «Саша» с посвящением Тургеневу: «И—у Т—ву» — опубликована в «Современнике» (1856, № 1). Посвящение сохранилось и в «Стихотворениях Н. Некрасова» (1856), а во всех последующих изданиях Некрасова было снято (см.: наст, изд., т. IV, с. 10—27, 530). Отзыва Тургенева этого времени не сохранилось. Позднее в Предисловии к романам» (1880) он утверждал, что, по признанию самого Некрасова, «Саша» написана «до некоторой степени» под влиянием «Рудина» (см.: Тургенев 2, Соч., т. IX, с. 390—391).

⁶ В ответном письме от 10 (22) июля 1855 г. из Спасского Тургенев благодарил за посвящение Некрасова и Л. Толстого и одобрил намерение Некрасова написать автобиографию: «... твоя жизнь именно из тех, которые, отложив всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется» (Тургенев, Письма, т. II, с. 295). Лишь в 1872 г. Некрасов по просьбе М. И. Семевского продиктовал для «Русской старины» небольшие отрывки из своей биографии. Обращался он к этой теме и в период предсмертной болезни (см.: наст, изд., т. XIII, кн. 2, с. 46—49).

⁷ В ответном письме от 10 (22) июля Тургенев просил Некрасова прислать ему экземпляр книги стихов Р. Бернса («найти его весьма легко»), обещал сделать для Некрасова «отличный выбор» и «метр приложить»: «Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его (...) Бернс — это чистый родник поэзии». Тургенев процитировал одно из стихотворений Бернса с его любимым стихотворным ритмом (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 295—296). Переводы Некрасова из Бернса неизвестны.

⁸ Один из развернутых отзывов Некрасова о Жуковском. Истоки противопоставления Жуковского-поэта переводчику восходят к Белинскому (см.: Белинский, т. V, с. 545—546). Эту точку зрения разделял и Чернышевский, высоко оценивая поэтические переводы Жуковского (особенно из Шиллера) и значительно сдержаннее — его оригинальные произведения (см.: Чернышевский, т. IV, с. 506).

⁹ С 12 мая по 1 июня 1855 г. у Тургенева в Спасском гостили В. П. Боткин, Д. В. Григорович и А. В. Дружинин. Ими был написан и разыгран на домашнем театре фарс «Школа гостеприимства» (см.: Григорович, с. 123—128). Позднее этот фарс был сыгран в Петербурге, а затем переделан Д. В. Григоровичем в повесть (см. п. 231).

¹⁰ Тургенев не приезжал охотиться в деревню под Ярославлем.

¹¹ Е. Я. Колбасин.

¹² По поводу присланного Некрасовым стихотворения К*** («Давно — отвергнутый тобою...») Тургенев писал (10 (22) июля 1855 г.): «Стихи твои к***» просто пушкински хороши — я их тотчас на память выучил» (Тургенев, Письма, т. II, с. 295). Стихотворение опубликовано в «Современнике» (1856, № 9).

¹³ Слуга Тургенева.